

ArtickleMan

Харон

Вселенная Идеалов

ArtickleMan

Харон. Вселенная Идеалов

«Издательские решения»

ArtickleMan

Харон. Вселенная Идеалов / ArtickleMan — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933637-8

Возможно, вся наша жизнь не имеет никакого смысла. Эта книга расскажет о новом мире, который является аллюзией на настоящее. В нем, как обычно, технологии сменяют друг друга. Но важнее в этом плане, конечно, общество. Узнайте об этом в истории Харона во Вселенной Идеалов — новой эпохе развития человечества.

ISBN 978-5-44-933637-8

© ArtickleMan
© Издательские решения

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Занимательное приключение	10
Глава 2. Мнимая утопия	15
Глава 3. Ближе, чем родные люди	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Харон Вселенная Идеалов

ArtickleMan

© ArtickleMan, 2018

ISBN 978-5-4493-3637-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Прекрасная погода за окном неожиданно дала неуместный для ситуации контраст. Когда ее страдания прекратились, за окном расцвел наш маленький сад с лилиями. Когда врачи ринулись в палату, солнце мягко прогрело аккуратные лепестки. После обеда на следующий день были похороны, собралось не так много людей. Отец сказал мне не идти, чтобы лишний раз не расстраиваться. А я, дурак такой, не послушал. Вот он я, стою в слезах, не выдерживая самого происходящего. Тогда я понял понятие пустоты внутри. Ее больше нет, причем нет совсем. Сначала замолчит телефон, ведь от нее сообщений больше не будет. Потом мой внутренний голос скажет, что все плохо. Пару раз это был ее голос. Я его храню глубоко в памяти, чтобы хотя бы что-то осталось от нее. Видимо, больше некому будет вспоминать о ней. На похоронах пара человек, не считая родителей. И то я думаю, что это тоже ее родственники. Сами родители держатся от меня подальше, они наверняка еще тогда меня винили во всем. Странно, но тогда я не понимал их обвинений, все спорил с ними, доказывал свою непричастность. Теперь же я вижу то, что им это нужно было. Если некого винить в случившемся, остается только винить себя. Глупо, конечно, но понять можно.»

А может в этом и дело? Может эта ситуация и подтолкнула Питера к деяниям в экономике? Так расстроиться в жизни, чтобы отказаться от нее. Но, в последствии его же вполне трезвый взгляд на мир стал подвергаться сомнениям. А когда тот решил освежить свои мысли по поводу жизни, то внезапно обнаружил недостаток аргументированности его точки зрения. Он искал и искал хорошее, но его оказалось недостаточно, чтобы такое событие перечеркнуло все желания продолжать искать смысл в инфантильном существовании. А если он сам пришел к этому выводу, то стоило ему помочь в мотивации себя. Больше добрых воспоминаний, больше значимости человека, который скоро погибнет. При достаточном количестве приятных воспоминаний потеря будет колоссальной. Тогда его мысли снова придут к несправедливости мира. Так и делает Харон. Он добавляет множество мелких деталей, милых романтических моментов. Он заставляет Питера испытывать радость от моментов прошлого, лишь бы сильнее ранить потом. Он делает ее как можно более позитивной и наивной, чтобы рядом с ней Питер сам на время забыл о реальности. Он сделал прошлое настоящим приторным сном, где нет места насилию и крови, где нет убийств и несчастных жертв. В его воспоминаниях теперь дети, которых она навещала, обязательно вылечивались, даже самые страшные онкологии были побеждены. А после, когда она попала в больницу, магия добра пропала. Ее день ото дня становилось только хуже. Она хриплым голосом рассказывала детям сказки, которые не воплощались в жизнь. После этого она лишь улыбалась и желала спокойной ночи. Дети выписывались и даже не навещали ее. Может не хотели, а может просто не имели достаточно времени. Вне стен больницы они уже принадлежали Сети. А Питер ходил до последнего. Теперь он помнил все ее черты лица, морщинки и синяки под глазами. Он помнил дату каждого дня, когда ее переводили в реанимацию. Теперь он хотел это забыть. Теперь он понимал, почему его место в мире настолько удалено от понятия человечности. Питер просил лишить его прошлого, чтобы он забыл о существовании хорошего в жизни. Харон сократил цепочку, лишив Питера этого

через его же воспоминания. Только теперь у него всегда будет в голове мысль о том, что хорошее закончится, принесет больше боли, чем приятного.

– Отличная работа, Харон. – послушалось у него в голове.

Пролог

Они хотели другого мира. В их головах было прекрасное представление будущего, где есть летающие машины, города-утопии и бессмертие. Но порой идеал светит так ярко и пышет таким сильным огнем, что, едва подобравшись к нему, можно с легкостью опалить крылья стремления. Хм... тогда что мы видим за окном сейчас? Для нас это обыденность – мы привыкли к жизни, а для них это непостижимое. Кто бы мог подумать, что порядок победит и теперь, вместо архитектурных шедевров, красивых улочек, старых декораций, всего лишь бетонно-металлические платформы на огромных балках – наследие индустрии. Да и выглядит все это, как отголосок из темного прошлого, которое хочется забыть. Мы видим снова элитный центр правительства, а также другую часть, которая отдаляется во все стороны, делясь на уровни, снова вешая ярлыки классового неравенства. Они все шумные, наполнены суетой завтрашних переговоров, там все бурлит и вертится, словно химическая реакция. Человек и сам стал как атом – настолько малый и ничтожный, что дальше некуда: он находит себе друзей, любовь всей жизни, старится, умирает – чем не история жизни любой эпохи? А что же изменилось? – спросите вы. Пару мелких деталей, вроде политики и экономики можно опустить. Мы не будем говорить о том, что кануло в небытие. Но вот поведение человека, его принципы – вот что делает мир другим, отделяет одну эпоху от последующей. Они стали думать иначе с появлением новых технологий, комфорт захватил их разум. Желание лениости открыла новые возможности для досуга и необычных увлечений. Мало кто вам способен поведать о быте людей будущего, ведь все слишком заняты собой. Но все же мне стоит вам рассказать об одном происшествии, которое повернет ход истории во вполне обычное, «гуманное» русло.

Начнет наш рассказ человек по имени Харон. Он не настолько индивидуальный, чтобы писать о нем оду – он не политик, не музыкант, не космонавт. Но есть в нем то, что отделяет от реальности. Как бы странно это не прозвучало, но для него настоящее его времени казалось фальшивкой. Ему определенно чего-то не хватало, сакрального смысла жизни. Поэтому его не интересовали модные тенденции в мире, он искал чего-то своего.

А поиски его сводились к бесконечным блужданиям среди города. Он прогуливался все по тем же тропам, видел похожую картину бытия. Точнее каждый путь был иным, но вот выводы следовали одни и те же. Так же, как и утро начиналось по схожему сценарию.

Из окна бьет солнечный свет. Шторы автоматически открываются, оповещая о новом утре. Нет, в комнате не звучит звон будильника. Давно доказано, что полезней естественное пробуждение. Поэтому вместо надоедливых песен и противных звуков лишь милая мелодия природы. Но Харон все равно просыпается, резко раскрыв веки. Не было у него кошмаров, просто ему плохо спится. Всегда. Что бы он не покупал, какие только новые звуки не устанавливал на пробуждение, все равно его мешки под глазами становились все больше и все глубже усаживались в глазницы. Впрочем, это было не так важно. Личный электронный консультант давал совету по уходу за собой. Уже никто не брезговал легкой косметикой. Было принято выглядеть хорошо. Это в рамках нормы.

Дальше чашка кофе. С недавнего времени без молока, но с корицей. Кофе-машина это уже знает, поэтому обычно к приходу хозяина напиток готов. А пока слышен небольшой шум на кухне. Харон надевает свои умные часы. Сейчас они управляют всем домом. Точнее робот-дворецкий предоставляет им доступ. Сам он спокойно лежит на столе посередине квартиры и показывает зеленым диодом, что активен. Иметь автоматизированный дом теперь также привычно, как и иметь столовые приборы. На маленьком экране куча настроек: температура, влажность, посторонние шумы, предпочтения в еде. В уголке горит красный огонек – это неотлож-

ные дела. Уведомление говорит о том, что у Харона запланирована встреча в парке. С Кэбби. Уже который раз Харон это видит и все равно не может удалить.

– Сириус, – позвал Харон своего дворецкого.

Основной экран немедленно включился. На нем появились два глаза, которые моргнули в знак приветствия. Харону нравилась эта визуализация дворецкого, хотя он мог выбрать и любую другую. На эту тему он отвечал, что ему не нужен лишний человек в доме. Тем более ненастоящий.

– Слушаю, – ответил дворецкий.

– Хочется чего-то нового на завтрак. Найди что-нибудь.

– Омлет со сладким перцем?

– Было.

– Горячие бутерброды с сыром?

– Скучно.

– Фриттата?

– Хм, интересно. Выведи рецепт на кухонный экран.

Основной экран гаснет, а от него отходит яркий огонек, пробегающий по проводам до кухни. Там Харон достает из холодильника продукты в контейнерах, отмеченных для приготовления. Такие контейнеры сразу после освобождения отправляются в мусоропровод, а затем на станции переработки, где очищаются и заново пичкаются новыми продуктами. Так намного удобней, да и решаются проблемы с мытьем лишней посуды.

– Так, опять омлет, что ли? – возмущается Харон. – И когда я перестану доверять названиям?

На кухонном экране выводилось описание блюда, калорийность и последовательность приготовления. Первый шаг – смешать яйца с мускатным орехом.

– Сириус, новости.

Мгновенно вся информационная панель по приготовлению сворачивается в небольшую табличку с текущим шагом. Все остальное место занимала телевизионная трансляция с последними новостями. Второй шаг – нарезать брокколи и лук. На экране миловидная девушка прекрасными темными волосами до плеч и звонким голосом. По крайней мере, это первое, что бросается в глаза.

– К сегодняшнему дню фонд всеобщей помощи собрал нужную сумму на операцию Корбу Ферне. Это будет первый случай операции трансплантации мозга. Его донором станет тело бывшего ученого Гравина Сикорского, который подписал договор о кибернетизации сознания. Таким образом к 20-ому числу будут проведены две сложнейшие операции, которые покажут прогресс науки нашего времени.

– Приятно знать, что наука работает не только на коммерцию. – прокомментировал Сириус.

– Из твоих уст это звучит весьма иронично, ведь ты сам дитя потребительской эпохи. – ответил Харон, указывая на экран ножом, даже не отвлекаясь.

– Говорит человек, который и шагу не сделает без вехома личного консультанта.

– Ха, спорим смогу? – Харон не на шутку удивился, хоть не показал это внешне. Вот только вызовов от робота он не слышал.

– Неделю, причем без всех видов помощи.

– Ну давай. А что же я получу при выигрыше?

– Мое безразмерное уважение.

Харон нахмурился

– Твой эгоизм растет день ото дня, Сириус.

– Ну, вы сами знаете...

– Да, да прямо как я.

Ему нравился этот дворецкий. Нравались его мнения, взгляды. Хотя Харон и знал, что они основываются на предпочтениях хозяина. Кто бы мог подумать, что, покупая услугу умный дом, получаешь в подарок приятного собеседника. А это так, чтобы наверняка в доме не было пусто. Чтобы не страдать от одиночества. Ловкая социальная программа. Шаг третий – постепенно обжаривать лук, добавляя другие ингредиенты.

– Сириус, включи музыку.

Но ничего не последовало в ответ.

– Ах, даже так? Что ж, я сам. – Но вот тут Харона ждал сюрприз – он сам упразднил все элементы ручного управления. Он вышел из кухни, начал осматривать всю квартиру, но не нашел ни пультов управления, ни работающих панелей.

– Все отключил, зараза.

Его взгляд невольно тянулся к окну. Что же он хотел там увидеть? Машины неслись по шоссе, временами левитроны оставляли за собой след из рассеянных облаков, заметить их самих было очень тяжело. Но все это было либо в самом низу, либо на дальнем небосклоне. Прямо перед глазами были стеклянные панели другого здания с такими же удобными квартирами с дворецким. Жилой район, ничего большего ожидать не стоит.

Харон занавешивает шторы. В комнате все еще темно, хотя лампы должны загореться автоматически. Но в этом случае есть выключатели. Вмиг свет заполняет комнату. Лампы вмонтированы в стыки стен по две на каждый. И еще один светящийся шар на столе. По желанию его может покрыть подвижный барьер, фильтрующий свет. Так можно создать рисунок в комнате по своему усмотрению. Харон выбрал проекцию звездного неба. По необычному стечению обстоятельств при первом запуске проекция Сириуса лежала прямо на основном экране, в связи с чем дворецкий и получил свое имя. Правда после, светящийся шар так и не пригнулся – было все время некогда. Бывает настолько сильно живешь шаблоном, что забываешь про свои увлечения. По ночам вряд ли можно увидеть у кого прерывистый свет, в окнах соседей темно. Все предпочитают здоровый сон, здоровую пищу, все, как им рекомендуют. Все хотят прожить дольше. Только вот ценность такой жизни резко падает.

Харон выключает свет и отправляется в ванную. Там все цивильно – комбо-душевая, водоотталкивающая плитка, система ликвидации лишней воды. Сейчас он опирается двумя руками на раковину. А на зеркале, что выше висит, отображается пара мелочей, вроде даты, времени, погоды.

– Седьмое апреля 2063-го года, облачно, температура воздуха 14° С, после обеда ожидается дождь. – Харон вздохнул, – спасибо за предупреждение.

Тут же подача энергии на зеркало отключилась и весь интерфейс пропал, оставив на себе лишь отражение ванной, да и самого Харона. «Интересно, Сириус сейчас дал мне фору, или забыл отключить зеркало», – подумал он. Оставшись же наедине с собой, наш герой посмотрел на себя. Без прикрас, без комментариев личного консультанта. Вот он. Темные взъерошенные волосы, пересохшие тонкие губы с почти выцветшим пигментом. И такие же угасающие глаза, когда-то зеленого цвета, постепенно покрывающиеся белыми пятнами.

– Скоро на процедуру, надо бы побриться. – тут он тяжело вздохнул, хотел было отметить себе уведомление. Его взгляд застыл в предвкушении грядущего дня. В черном дисплее его часов все отражалось, искажая его лицо. «Каждое утро» – подумал он про себя.

Глава 1. Занимательное приключение

Общественный транспорт вечен. Только вот также модифицируется, становится быстрее, удобнее. Вместо привычных остановок ряд больших одноместных сфер с открытыми дверьми, садись, плати, да выбирай свой пункт назначения. Дальше такая сфера уходит в подземные пути. Скорость сумасшедшая – порядка шестисот километров в час. Но внутри этого не ощущается. Просто мягкая поездка в мягком кресле. Напротив, лишь дисплей с картой, где отмечается сиюминутная координата сферы относительно пути.

Всего полутора часа хватает чтобы проехать от одной конечной остановки к другой. Поэтому для таких долгих поездок предусмотрены двух- и четырехместные варианты. А также возможность использовать сам дисплей по своему желанию. Правда, сейчас были небольшие неполадки, на экране лишь было написано – воздействие внешнего оператора. Это означало, что по Сети снова гулял вирус, или транспортную подсеть хотят взломать.

– Да... Утро начинается не с кофе, – проворчал Харон. В принципе вполне обосновано, ведь ехать было еще с полчаса, а заняться было действительно нечем. Он лишь пожал плечами. – Что ж, придется начать рабочий день раньше.

Он достал из рюкзака необычное устройство и обернул вокруг головы. Это был модулятор электрических сигналов. Если говорить просто, то такой девайс подсоединял мозг напрямую к Сети, считывая сигналы от синапсов и воспроизводя обратную связь напрямую. Есть даже два варианта выдачи сигнала: через модуль-имплантат или через визуальное представление. Второй вариант не всегда приветствовался, ведь он просто губил здоровье, что определенно не нравилось современному человеку. Хотя и первый, хоть и был базовым, но тоже имел свои нюансы. Еще немного здоровья. Еще пару лет скучной, однообразной жизни. Харон предпочел вариант повредней, и не потому, что он хотел поскорей уйти от мира сего. Его глаза сами были имплантатами – от рождения он был слеп. Помогла операция в детстве, но взамен у него забрали сны. Воздействие на зрительные нервы отключило воспроизведение образов. Как-то так говорили врачи, когда объясняли матери Харона. А обесцвечивающийся пигмент зрачка остался вечным платой прогрессу.

И об этом думал он каждый раз, когда приступал к работе. О том, как теперь не может спать по ночам, как ему приходится раз в месяц проходить дополнительные процедуры восстановления. Как день ото дня мир все тускнеет. И как он беззащитен перед этим. Но размышления эти были лишь на пару секунд, уже как привычка. Просто, чтобы был повод жить и идти дальше. Ради поиска смысла. Поиск – это его работа. Находить в сети что угодно, что спросят, за что заплатят. В этот раз ему заказали поиск малоизвестных идей. Некупившихся, законченных наполовину, на треть. Найти и предоставить.

На словах это просто. Но Сеть за десятилетия стала огромна. Не меньше, чем материальный мир. Социальные подсети стали жильем для пользователей, магазины электронного программного обеспечения стали аналогами настоящих собратьев. Даже кладбища с деактивированными страницами личных дел. Вот он – параллельный мир. Такой же необъятный, времени на все еще меньше. Нужно жить двумя жизнями. Поэтому все и хотят быть ближе к бессмертию. Чтобы посмотреть на выходных еще один сериал. Ради очередной игры. Ради пары фоток на личную страницу. И среди всего хлама приходится работать таким искателям, как Харон.

Начинается все с представления информации. Искатель опасная профессия – многократный объем сигнала истощает мозг. Обычно за такую работу платят очень много. Настолько, что после пары лет работы хватает на жилье 4-го уровня. Но Харон работает уже семь лет, с момента популяризации профессии. Те, кто поглупее представляют себе информацию напрямую. А он использует алгоритм визуализации. И в Сети все становится как в жизни. Вокруг человеческие фигуры, лица считаны с фотографий профиля. И вот он сам. Руки, ноги на месте.

По крайней мере мозг не шокируется другой реальностью. Попав в другой мир, или ощутив поток информации, нельзя отменить изменения в голове. Новые образы наслаиваются поверх старых, стирая последние навсегда. К чему тебе дорогая квартира, если ты теперь можешь жить лишь в виртуальном мире. Приюты для больных мозговой нестабильностью – вот что их ждет. Поэтому лучше стремиться к близкому образу. Снова иллюзия. Просто закрыть глаза и вспомнить что-то. Сразу цифровой мир превратится в это место, и искать станет проще. Кажется, что вот он слегка пройдет, не спеша осмотрится. А там, в реальном мире пройдут миллисекунды.

Вдруг Харона озарила идея. Внешнее воздействие заставляет протоколы безопасности переключиться на защиту программного обеспечения. А это значит, что можно использовать мощности сферы. И безо всяких юридических последствий. Такой шанс выпадает редко, ведь способности сферы, привязанной к огромной транспортной подсети города и способной обрабатывать тонны информации за такт считались бесконечными для искателей. Правда восприятие информации могло быть летальным. Но риск того стоит. Из рюкзака появляется универсальная отвертка, что рекламируют на каждом шагу. Харон откручивает панель. Достаточно глупо не делать корпус изнутри цельным. С помощью пары дополнительных проводов он подсоединяется к транспортной подсети изнутри. Внутри расписания и маршруты других сфер. Но стоит лишь проскользнуть мимо банальных протоколов блокирования, как открывается вся Сеть. Столько информации разом. Стоит ее структурировать. Вдруг Харон вспоминает про космонавтов и Сеть из нулей и единиц превращается в длинный туннель стены которого как порталы в другие миры соцсетей и развлечений, библиотек и хостингов.

«Какая банальщина» – проносится в голове Харона. Или просто мысль была откуда-то навеяна. «Ну так хотя бы удобнее» – успокоил он себя. В последний момент он прицепил страховочный трос к поясу. Конечно это было все на уровне представлений. Если бы не алгоритм визуализации все было бы намного сложнее и скучней. Но сейчас роль связи между ним и реальным миром был этот трос. И если Харон его отпустит, то тело ему уже точно не понадобится, ибо Сеть станет его последним прибежищем. Он делает шаг в неизвестность. Его окутывает старая атмосфера. Немного чуждая для конкретно его прошлого. Но какая разница, если все выглядит так реалистично. Да, мощности сферы позволяют видеть иллюзию словно параллельную реальность.

Это воспоминание детства. Пахнет яблоней. Вокруг развалины маленького городка. Харон движется в направлении перемещающихся объектов. Их двое. Обходят препятствия, ищут что-то. Мародеры, полагаю. Хотя, чего тут красть, спустя долгие годы? Он идет размеренным шагом по опустелым улицам. Фонари, посаженные вдоль дорог, выбитый из-под земли асфальт, куча перевернутых и заржавевших машин. Хаос в чистом своем обличье. Будьте уверены, тут нет обглоданных черепов или голых скелетов, все это глупости. Обстановка отчуждения давит сильнее, чем атрибуты смерти. Пора найти более разнообразный ландшафт и стоит уже прибавить ходу. Ноги прекрасно держат тонус. Тут тебе никаких судорог, боли в мышцах или проклятой отдышки. И в правду чувствуешь совершенство соединений. Хотя даже и забываешь на секунду что это и жизнь вовсе. На тротуаре мусор, мелкие обломки от оставшихся в относительной целостности домов. Старые небоскребы не бороздят просторы неба, как им стоило бы. Брошенная без внимания флора заменяет собой все вокруг. После стольких испытаний естественного отбора, растения научились выживать тут. Что не скажешь о человеке. Деревья, посаженные для внесения разнообразия городского ландшафта, теперь заполняют все что можно. Треснувший асфальт, куски которого образуют небольшие кратеры. Их причиной стали сорняки, не обработанные вовремя. Хотя и они вносят интерес. Такой синтез природы и архитектуры человека стал величественнее любого памятника прогрессу. Здесь он застыл, стал аппендиксом человечества, опущенным в банку с формалином. Это весьма многозначно. Как и современное искусство это отталкивает, бросает на секунду в дрожь. Ведь это

все неправда, да? За окном дома Харона и травинки не найдешь. И последние редкие деревья можно встретить лишь в заповедниках. Хм. Насколько это плохо – убивать природу? Законы эволюции учат как можно эффективней защищаться. Или как можно эффективней убивать. Во рту привкус крови. Просто зов природы. Но так или иначе все это выглядит величественно. И так натурально. Каким бы не был страх перед незнакомым местом, стоит всегда подчеркнуть его элегантность.

Ветер бьет в лицо. Непривычно это знать, а не чувствовать. Будто вмиг не стало барьеров восприятия времени. Нет понятий нужной эмоции и человечности. Это не кажется симуляцией. Все на уровне подсознания. Нет внутреннего приятного голоса, который как компаньон, поможет в любой затруднительной ситуации. Он сам теперь свой голос. Непривычна та реальность будущего, где все немного иначе. А раньше все писатели и деятели культуры считались провидцами, которые в своих творениях способны описать далекое и не очень будущее. Обидно видеть мир на останках человечества. Как все по-другому, нежели фаталисты считали долгом оповестить людей об угрозе гибели от нового оружия. В таком случае не перестаешь думать о прошлом. Это удобно. О нем можно говорить вечно в любом разговоре. Умершие эпохи, забытые цивилизации, занесенные песками забвения личности и даже события прошлых дней – все это идеально для долгих философских размышлений. А это то, что вечно всегда привлекает человека. Может, поэтому мы невзначай поднимаем голову к небу, ища вдохновения в нем, оно ведь неизменно. И звезды, чей долгий свет, проходящий через холодный неизведанный космос, доходит до наших глаз, создавая картину далеких галактик, все это настолько приятно. А видна лишь вечность здесь, на руинах мира, где совершенство природы свободно от тирании человека. Или это сама природа как судья игр на выживание показывает все ужасы естественной среды человека. Как одно животное в долгой погоне разрывает другое острыми когтями. Как один вид выживает другой. Человек все это предотвратил, просто победив. Но какой ценой? Был ли иной способ?

Вдали кто-то посылает сигнал. Видимо, ждет его, нового гостя. Стоит бы заглянуть туда на огонек. Развалины очередного корабля неба, который встретил свою гибель в лучах солнечного ветра. Теперь его верхние этажи упираются в землю, а вместо них торчат кессоны, словно иглы вымерших динозавров. Как ни странно, здесь нет запаха смерти. Он выветрился потоками времени. А вот одиночество чувствуется сильно. Хотя пока шлюет сигнал, и он направляется к нему, грусть отчуждения притупляется, становится прозрачной. Одна иллюзия взамен другой. Вот и они – обломки старого офисного здания. В парадной выбиты все стекла, кучей бумаги играет ветер. Посредине зала пепелище от костра, по-моему, тут искали убежище от холода ночных улиц. Все, что можно утащить, отсутствует. Никакой мебели, даже присесть негде. И вот, зачем ему отдыхать, это навеянные идеи, такие едкие привычки, которые все пытаешься бросить. Кстати о привычках, по полу также разбросаны окурки. М-да, человек всегда найдет способ ублажения своих прихотей во вред себе. Тут нет людей, а если и были они, то давно выбрались отсюда или предали свои кости забвению под землей вокруг. Так или иначе, нужно искать источник сигнала.

За обломками здания, бороздящего небо есть небольшое поселение. Здесь еще живут люди. Они пытаются что-то взрастить. А в почве на глубине полуметра неактивированные мины. Они кидают палки и камни перед собой. Мальчишки бегают по обломкам. Учатся взбираться на уступы. Бетон царапает им кожу. У тех, кто постарше руки уже в маленьких шрамах. Взрослые сильные и выносливые, ищущие пропитания в каждом уголке, что-нибудь полезное. Они вернулись в общинный строй, встали друг за другом. Даже и неважно, что здесь было, им уже все равно. Поколение было воспитано в порядке среди хаоса. Они посылают сигналы, чтобы найти новых выживших. Нужна ли им помощь? Нужно ли им просвещение? Харон было хотел отпустить страховочный трос и остаться тут, в мире где не было понятий удобной рутины. Его рука тянулась к поясу. Через секунду, одно сжатие веревки отделяло его от настоящего.

Хорошая иллюзия взамен пустой жизни. Сакральный смысл. Его прерывает мысль, буквально голос в голове. «Как легко можно соблазнить человека. Причем такой посредственной романтикой» – Слова были слышны отчетливо, Харон уже метался. Его никто не ждал снаружи, или казалось, что никто не ждал. В последнюю секунду он все же решился и ослабил хватку. Но невидимая рука остановила его, сжав руку Харона обратно в кулак. И мысли о реальности вернули в его сознание. Он даже и не заметил помощи извне. Взяв покрепче трос, он резко дернул его на себя, отдаляясь от манящей иллюзии. Постепенно ему самому этот придуманный мир начинал казаться пресным, лишенным особой задумки, лишенный чего-то тонкого и неуловимого. Декорации, как и старые картонки, навевали фальшивость настолько, что становилось отвратно. Опять апокалипсис. Опять горстка живых. Опять возвращение к истокам. Сколько было сказано об этом? Все эти рассуждения заполняли разум Харона. Но будто бы он и не думал вовсе. Чужие слова. Чужие мысли.

Снаружи прошло двадцать семь минут. Тут Харон блуждает третий день. Он переходит от одного описания к другому. Сейчас темные маленькие улочки, где горят неоновые огни, чуть позже зеленый городок, полный деревьев и живности. Мегаполисы и деревни, заполненные площади и бетонные пустоши. Всего не перечислить. На одни заметки уходит больше пяти часов.

Все проходит довольно быстро. В конце воспоминаний комната. Точнее, это даже не пространство, просто мозгу приятней видеть что-то ограниченное, поддающееся объяснению. Комната. Она заполнена тьмой. Сильней всего чувствуются звуки. Размашистые шаги, которые едва затихают при появлении новых. Звук маленького мужского каблука. Это и в правду мужчина. В отличии от всех других обитателей воспоминаний этот смотрит именно на него.

– Как скучно, даже не верится, что ты повелся. Да и сейчас. Опять пытаешься воспринять все как человек, находясь в клетке разума. Да и опять принимаешь все за настоящее. Даже мой образ. Ну почему я сразу человек? Почему сразу мужчина средних лет? У тебя были проблемы с отцом? Знаешь, в прошлом все роли были отданы человеку. Даже технологии роботов склонялись к симуляции человеческого образа. Но тогда это было проблемой технологий. Роботы, подобные людям – зачем им это? Потом стали их наделять эмоциями, маниакальными желаниями. Видимо люди любят сравнивать себя с другими, придавая им черты их несовершенства. Хотя я и сам человек.

Харон посмотрел во тьму с удивлением.

– Привет. – звук раздался со стороны загадочной фигуры. Речь. Именно его речь, потому что здесь все предпочитают синтезировать слова из текста, а не говорить их, как в жизни. В связи с чем общение в Сети так и оставалось безо всяких эмоций. А тут прочувствовалась какая-то родная жилка, старое, незабытое нечто. – Я так хотел с тобой поговорить, но транспортная подсеть не любит чужаков. – сказал незнакомец. – Однако, я смотрю ты сам меня нашел.

– Это вы пытались внести изменения в Сеть? – Харон нахмурился. Он тоже «говорил». Эмоции наполняли его сознание, мозг напрягался, пытаясь эмулировать человечность. В отличии от прошлого мира катастрофы, здесь было тяжело ощутить себя «настоящим» человеком.

– Всего лишь поговорить с тобой наедине. – Неосвязаемый силуэт был таким человеческим, его повадки настолько точно передавали поведение живого. Вот он сложил руки позади спины и поднял голову. Среди неразличимых контуров этой головы невольно бросались в глаза два огня, которых возможно и не было.

– Зачем? – сейчас вопросов было уйма, Харон слегка боялся, готовясь отступить, бежать прочь. Его эмоции давили рациональное мышление. Страх перед незнакомцем, который скорее походил на иллюзию, был вполне оправдан, как страх вообще всего загадочного и неизвестного. Харону хотелось прямо сейчас перестать вкачивать в себя сыворотку гуманности, чтобы перестать трусить перед собеседником. Не хотелось сосредотачиваться на двух угольках.

Не хотелось чувствовать смятение. Не хотелось вообще чувствовать что-либо. – Да и кто вы вообще?

– Ты искатель, да? Редкая профессия. Ты влез не в свои дела. И там же чуть не утонул. – внезапно оппонент стал деревянным, бросил изощрения эмоций.

– Такие шансы выпадают раз на миллион. Глупо им не воспользоваться. – А вот Харон так и остался в своей роли. Он еле сдерживался, пытаясь выговаривать каждое слово отчетливо, если бы он запнулся, заикнулся где-либо, он был пал в чужих глазах.

– Но вот технология. Только одним способом можно бесцеремонно тратить воображение. Откуда алгоритм визуализации?

– На рынке откопал. Это вообще каждый может сделать.

– Кого это может вообще заинтересовать? Если ты это сделал, то либо что-то искал, либо развлекался. Значит любопытный или отчаянный.

– Претензии? Да кто вы вообще такой, чтобы меня судить? – тон Харона все повышался и все сильнее чувствовалось его недовольство происходящим.

Собеседник шагнул вперед. Вместо человеческой фигуры был лишь искаженный сигналом силуэт.

– Хм... Прости, если я показал себя лицемером. Мне нужен такой человек, как ты.

– Любопытный или отчаянный?

– Именно. Вроде уже тридцатая минута пошла. Тебе пора выходить.

Харон взглянул на часы. Действительно пошла вторая секунда тридцатой минуты. Незнакомец снова заговорил.

– Тебе вроде не нравится эта утопия, которую предлагают. Если хочешь копнуть глубже, то найди меня.

– Я даже вашего имени не знаю.

– Ты сейчас был ограничен временем и возможностями. Отринь и то, и другое. Тогда же найти что угодно не составит труда. Это же твоя профессия, да, Харон?

Харон снял шлем. В глаза с непривычки тяжело реагируют на мягкий свет. На дисплее сферы моргает надпись – поездка завершена.

– Что ж, достойный аргумент – ответил он, когда новоиспеченный знакомый уже и не слышал.

Глава 2. Мнимая утопия

Стали бы вы нестись сломя голову навстречу незнакомцу, если он окликнет вас по имени? Наверняка нет. Вот и Харон решил, что стоит повременить с поиском подозрительного незнакомца. Пусть он знает его мотивацию, пусть он будет хоть невероятным хакером, который взламывает транспортные подсети, все равно это не повод лезть в такое дело. Действительно важные дела сами происходят. По крайней мере, так думал Харон. Но вот то, что было там, в заброшенном городе. В том месте все было иначе, чем в любой другой симуляции, все было очень приближено к жизни. И скорее удивляли несоответствия, чем схожесть с реальностью.

Холл здания выполнен в креативном стиле. На полу высечены из искусственного дерева небольшие тропки, мило извивающиеся к лестнице. Она же извивается вокруг лифта, причем не самым аккуратным образом. Будто узор, нарисованный в воздухе. Перила мягко изгибались, какие бы трюки она делала, порой даже висев верх тормашками. Конечно, это было частью декора, вход на нее был закрыт, да и начинался в трех метрах от земли. Детекторы быстро сосчитали Харона на наличие посторонних устройств. Это настолько быстро, что ты и не заметишь, но, проходя мимо них, последние узнают о тебе все. Кем работаешь, какой офис, этаж, директор, который будет нести ответственность за твои пакости. Все благодаря чипу отслеживания в имплантате, что в виске.

64-ый этаж, меньше двадцати секунд на поднятие. В пути можно осмотреть внутренний комплекс, каждый его уровень. Мало кто прогуливается по зданию просто так. Это рабочее заведение на пару тысяч человек. Это настоящая палитра характеров. Пролетая через 20-ые этажи могут броситься в глаза такие чуждые этому месту оранжевый, зеленый и красный цвета. Там работают архитекторы и декораторы. Они снесли четыре этажа проходов, чтобы поместить свой из небольшого моста вечных роз. Конечно, их выгнали отсюда и заставили оплатить штраф. Но творчество оставили. Только к чему? Редкий прохожий из одного офиса в другой вряд ли заметит сей недошедевр даже проходя напрямую. Ну сменились краски, ну пол стал отдавать глухим стуком дерева, и что с того? Также остался без внимания треснутый двор – часть 37-го этажа, где вместо стен – треснутые стеклянные панели. Если присмотреться, там вообще весь интерьер выполнен в стекле – столы, как аквариумы, где водная гладь, скрывают мнимое морское дно, мебель, отшлифованная до блеска, даже мелкие детали. Такие небольшие кофейные столики, где в многослойном стекле плавали фарфоровые рыбки, чуть ниже металлические раковины блистали керамическими жемчужинами с подсветкой. Сверху ваза со стеклянными цветами. Таких волеизлияний полно, на каждый этаж по штуке. Только в этом и состоит суть, что стало много всего. Много творчества: музыки, кино, рисунков. Много авто-ров. Мир переполнен всем тем, что было в единичном экземпляре. Все больше людей овладевают сложными навыками, тем самым обесценивая их. В моде быть достаточно умелым, чтобы обращаться с графическим редактором на углубленном уровне, знать правильную планировку здания, пользоваться навыками дизайнера ради обустройства жилища. 64-ый этаж. Пора выходить.

Тут главной чудачкой была Лайма. Но вне сомнений, она была профессионалом. Главный креативщик, гениальный изобретатель мелких механизмов, да и просто милая девушка. Но сейчас она не очень вежливо использовала речь. Ее волеизлияние складывалось в бранные слова, что даже стоит поискать словарь, для поиска их значений.

Харон вошел в общую комнату. Это была идея Лаймы – совместить кучу маленьких рабочих мест в четырех стенах. Поначалу все согласились, а потом стали использовать приборы звукоизоляции. Поэтому из всего шума можно слышать лишь редкие проявления эмоций виновницы социальной сплоченности. Она сама блуждала вдоль оконной панели, всю заполненную листками. Некоторые из них были еще живыми рисунками. Остальные смело закра-

шены красным маркером и судя по «аккуратности» – прямо на стене. Это, наверное, вообще плохие идеи, так как за маркер она редко бралась.

– Творческий кризис плохая штука. – прокомментировал действо Харон.

Едва слышав чужой голос, девушка обернулась. Лайма часто меняла образ. Сегодня это: прическа – каре, корни, покрашенные в ядовито-зеленый цвет, якобы рабочая одежда художника – удобные штаны и футболка в остатках и пробах краски. Верх проделан вручную – капли и размазанные комки не могут так элегантно гармонировать благодаря случайному расположению. Да и слегка приглядевшись, можно высмотреть силуэты милых зверушек. Лицо ее покрывал натуральный макияж, слегка подчеркивая ее глаза голубого цвета, которые и так выделялись на ее малом худеньком личике. Они сейчас довольно грозно смотрели на Харона.

– Считаешь себя умным? За констатации фактов теперь тебе медаль выдать? – Харон чувствовал, что слова готовились посуровей. На самом деле она не была плохой. Просто творческая натура склоняет к деструктивному мышлению. Талант на одной чаше весов, последствия на другой. Так справедливо. По крайней мере, со стороны других.

Харон молча поднял руки и отошел. Ему не хотелось ввязываться в спор, ибо в жизни это редко к чему приводит хорошему. Утреннего вызова ему хватило. Стоит уже приступить к работе.

Нужна мысль. В последнее время Лайма все чаще сидит в офисе. Неужели ей некуда сходить? Неужели друзья никуда не зовут? Вообще, есть ли у нее друзья? Ему приходит на ум лишь Морен – его собственный старый друг. Когда-то он принял работу искателя, пошел по стопам Харона. У всех своя мотивация, его же привлекали деньги. Суровая правда жизни.

– Приятно, что ты вспомнил обо мне. Уже почти год не пишешь. – сухой, прерывистый голос доносится из-за спины. Вокруг нет кабинета, Лаймы и коллег. Только он.

– Это с твоей стороны. Я молчал всего три дня. И сам знаешь, что по делам.

Морен вышел вперед, обернулся. Постарел немного его образ. Глаза по-настоящему устали, кожа растянулось около шеи, скулы сильнее видны. Конечно, в жизни он выглядит еще также на 23 года. Но, здесь, в Сети, он пробыл десятки лет, все глубже вдаваясь в окружение.

– Ну это не столь важно. Есть кое-что поважнее.

Харон всепонимающе кивнул.

– Тебе есть что рассказать? – он медленно поднял в голову и посмотрел прямо в глаза другу. В них была пустота. Точнее, в них вообще ничего не могло быть. Такие же искусственные, как и все вокруг. Но образы, близкие к человеку, к его чувствам, быстро возникают. Наверное, поэтому Харон понял, что-то не так.

– Сегодня со мной связались врачи. Обычно это были счета на оплату содержания. Иногда чеки или специальные предложения. Но не этим утром.

Тут он сделал паузу. Скорее всего, он хотел вздохнуть или перевести дух. Собраться с мыслями и пересилить себя. Но уже просто не умел. А привычки остались. Он посмотрел в пустоту. Оттуда спроецировались часы.

– Осталось мне по большей мере три часа.

– Здесь? – В голосе Харона почувствовался страх. Смерть пугала его достаточно, чтобы беспокоиться по этому поводу за других.

– Нет. В жизни. Тут еще с десятков дней.

– Постой. Я приеду.

– Да, да. Сейчас, только попрошу смерть постоять подольше.

– Ты серьезно?

– Абсолютно. Приходи, хочу пару ласковых сказать тебе на прощание.

Мотивы Морена были ясны – все мы хотим быть богатыми и знаменитыми. Некоторые теряют при обретении оной человечность. Тут же скорее физиологический фактор. Его мозг настолько быстро получает информацию, что чувства не успевают за ним. Он бы мог умереть

человеком, как было бы рассказано в книжках с мотивацией. Но кто пойдет на попятную, когда ты оступись у самой черты финиша. Насколько не мог он примериться с обстоятельствами, что вынуждал тело жить еще больше. Долгожитель Сети, у которого за плечами сто лет серфинга. А снаружи больной, год прикованный к системе жизнеобеспечения. Так оно и бывает. Вот она – «справедливость».

Харон спеша уходит с работы, вылав записи из блокнота на электронную почту шефа. Выйдя в проем, он обернулся, окинул на секунду взглядом окружение.

– Неужели, они так и хотят остаться там, в Сети? Неужели их не волнует другая сторона медали? – подумал он, озвучив мысли вслух шепотом. Он уже убежал, и не знал, что Лайма слышала его слова. Также на секунду отвлеклась, посмотрела на свои рисунки, пытаюсь рассмотреть в них что-либо хорошее. Пытаясь найти в окружении что-то вдохновительное, тем самым мгновением случайности которыми полна жизнь, она услышала от Харона что-то родное, близкое к ее сердцу.

А сам он уже едет вниз. Снова мелькают элементы декора, нудные этажи в перемешку с никому не нужными достояниями искусства. Снова и снова. Нельзя это не заметить, нельзя не говорить, жизнь летит мимолетно, но ты помнишь все. Такие же серые будни, такие же яркие для тебя достижения. И ты рассказываешь их всем, хвастаешь тем, чего добился, пишешь пост в соцсети. А кому это нужно? Быть может паре человек, что являются твоими друзьями-знакомыми. Мир полон синонимичных образов. Можно долго сопоставлять любую рутину со своей жизнью, но это будет проявлением эгоизма и слабости. Снова первый этаж, из здания направо, прямо к остановке. Примерное время пути – два часа. Все очень плохо.

Клиника в высотном здании. Тут нет места романтике или наоборот, запугиванию. Просто это удобно. Когда окна имеют вид дальше, чем до соседского дома, лечиться становится легче. Это четвертый уровень. Обиталище обеспеченных и богатых. Никто не запрещает прогуливаться, можно охватить взором все здания более продвинутой архитектуры. Здесь ценят не только эффективность или красоту, но синтез этого. Сюда мечтают попасть те, кто в тихую занимаются искусством и грезят о знаменитости. Здесь и в правду красиво. Жилая зона расположена по краям уровня и каждая квартира открывает свой вид на небо. Настоящее, ночью даже со звездами. Тоже настоящими. Здесь ценят натуральность всего. Пытаются эффективней работать со временем. Чаще используют модуляторы на слабом усилении мозга. Обычно в здешней сети сидят со скоростью 5—7 раз выше обычной. Все бояться мозговой нестабильности, но все равно идут по острию ножа опираясь на стену из денег. И элитная больница на весь уровень, и мелкие частные клиники тут творят чудеса.

А по пейзажам самого уровня мало что сказать можно. Будто бы там люди другие. Нет. Такие же маленькие, шубутливые. Спешат познать тот мир, что интересен лишь на первый взгляд. Думаете на улицах можно увидеть граффити? Или, например, скульптуры? Снова нет. Все художество наполняют дома изнутри. Декор имеет отношение только к интерьеру. Каждый обстановка индивидуальна. А вот люди... они похожи.

Харон мчится вперед. До клиники еще триста метров. У него отдышка. Ноги просят пощады, а мозг уже сам просит притормозить. Но нельзя. Не сейчас. Внутри вестибюль большого размера. Это помещение для встреч. Почти все больные могут передвигаться по открытой территории. Могут поговорить с близкими, принять их поддержку. Или же получить домашней еды. Но все это в идеале. Больные так и сидят по палатам. А коридоры пусты. Редко можно увидеть молодую пару, мило беседующую между собой, когда он тихонько ее обнимает, чувствует ее рядом по-настоящему. А остальным хватает присутствия в Сети. Харон оглядывает комнаты, видит одну и ту же картину – тело, валяющееся на кровати, которое подключено к модулятору и системе жизнеобеспечения. Вглубь коридора и налево. Справа лежат особо трудные пациенты. Те, кто висят на одном волоске. Те, кому нужна операция по стабилизации состояния. Кроме мозговой нестабильности, здесь лечат множество схожих болезней. Иногда их под-

ключают к дополнительной компьютерной системе для разгрузки. Тогда их дни точно сочтены. И чем ближе их конец, тем больше возрастает мозговая активность, тем больше коэффициент преобразования времени. За одну минуту здесь они могут остаться там, в Сети, на тысячи минут. Ради того, чтобы еще больше прожить. Это все знает Харон, все тонкости, все уловки богачей. Спросите почему? Ему рассказал Морен.

А вот и его палата. Для гостей комната открывается только от команды больного. Вот он лежит, руки поверх одеяла, все в точках от старых витаминных уколов. Медицина шагнула вперед – ей удалось предотвратить атрофирование рук. Но все равно по рукам нельзя было сказать, что это юноша. Лицо все еще молодое, хотя поправилось от дисбаланса питания и затрат энергии. Это все еще был он. Рядом с кроватью кучей проводов находится кресло. Харон аккуратно на него садится. Он достает модулятор, настраивает его на частоту активности мозга у друга.

– Нужна хотя бы одна мысль... Странно, несмотря на нашу долгую дружбу, мы так и не сходили не разу в бар интересов. Это заведение казалось таким унылым, полным социальных неудачников, неспособных к принятию новых знакомых, раз им приходилось обращаться за помощью.

– А сейчас это последний оплот человечности, – ответил на мысль Морен. – Знаешь, мы ни разу не говорили о чем-то личном, да и повода особого не было. Ты еще общаешься с Кэбби?

– Да, конечно, – Харон удивленно приподнял брови. – С каких пор тебя это волнует, ты же ее не разу не видел.

– Просто вы часто ходите в парк. Я все думал будет ли у вас что-нибудь.

– Нет, там просто красиво. Мог бы тоже туда отправиться.

– Я там и был. Много раз. Там легче медитировать. Единственный способ отдохнуть от суеты.

Морен поднял руку. Он покрутил пальцами в воздухе и отобразил часы.

– У нас есть чуть больше дня. Все равно успею тебе кое-что рассказать. Но этого мало. Думаю, все мы хотели бы выговориться перед наступлением злого рока.

– Прости, я бежал как мог.

– Дело не во времени. Просто слов мало. Я видел многое, и многое не говорил. То, что могло вызвать всплеск эмоций, то, от чего печаль охватывает весь разум, проникая в каждую удаленную часть сознания, когда краски тускнеют за секунды.

– Ты видел истинное зло? Сформировал новую философию? – Харон взял стакан с непонятной жидкостью на столе. Это был алкоголь. Как странно говорить о философии в таком месте, где все бегут от сложностей мира ради простой болтовни.

– Зло везде. Это старая правда. Ты же делал оценку здоровья?

– Да. Если не прекращу через пять лет работу искателя, то получу нестабильность первой степени.

– Как и у меня. Когда-то. Вот она, обратная сторона. Я, наверное, как и все, мечтал увидеть больше, познать мир. Меня привлекала суть поиска. Смысл лежит глубоко. Проблема лишь в том, что, копнув чуть больше, потеряешь его. И снова одно и то же. Я думал в Сети будут ответы. А они далеко вне. Ты часто гуляешь с Кэбби в парке. И что ты чувствуешь?

– Ветер, сметающий пыль и листья. Запах леса, тянущийся из дали. Слышу звук птиц на горизонте, вижу водную гладь, отражающую необъятные кроны деревьев. Я могу долго описывать все.

– И правда, авто-коррекция речи работает исправно. Постой секунду и будет тебе настоящий разговор.

Спустя мгновение Морен пропал. Разом. Исчезла вся проекция. Остался только сам Харон. Дальний стол заведения был пуст, где он и сидел. Окружение было выведено из большого бара – места на третьем уровне, где находили пристанище те самые одиночки. И имел этот бар название Хомисолит. Знаменитое было местечко, когда-то полное различными лицами.

Ведь и идея была неплоха – бар по интересам, где тебя сразу подводили к тем людям, которым ты мог понравиться. Сейчас почти пусто. Семь человек сидят в собственной компании, упиваясь время от времени. Кажется, где-то затея потеряла смысл, все глубже погружая людей в темную самодостаточность.

Одна дама сидела, опираясь на барную стойку. По увлечениям она любит стрельбу из лука, джаз и несколько фильмов на разные тематики, включая детективы и фантастику. Так написано в ее личном профиле. Нельзя ее вкусы назвать особенными, да и все собратья по увлечениям есть в Сети. Но, это ее не огорчает. Бармен наливает еще стакан легкого виски и мило улыбается. Все это замерло. Все статично, точнее медленнее в сто раз. Харона это заинтересовало, и он решил просмотреть запись. Несколько минут назад она еще скучала, а бармен наполнял лишь первый стакан. Он смотрел с сожалением на нее.

– Сегодня немного не ваш день.

– Уже как месяц скоро. Не осталось у меня единомышленников – последнее слова она выговаривала с особым старанием, по слогам, чтобы наверняка не ошибиться.

– А по ту сторону? У вас наверняка есть хорошие друзья. – бармен чувствовал, что даме уже достаточно спиртного и отложил бутылку.

– Есть. Да и пошли они. Устала я терпеть их. Они оставили меня, предатели. Молчат, когда их приглашаешь прогуляться, собратья вместе. – Эти слова вырывались из сердца, буквально торопясь. Она хотела выговориться, но не могла, ожидала человека души. Но подошел бы и первый встречный.

– Здесь вы не в первый раз, но, может, позже найдется ваша судьба. – Тут он с ухмылкой посмотрел на нее, протирая очередной стакан. Но она и не обратила внимание. Как и на то, что бокалы больше не наполнялись веселой жидкостью. Он просто перестал разливать напитки по столам, оставшись на мгновение здесь, около нее.

– Поиски... От них устаешь время от времени. – Она все смотрит в пустой стакан, почти пропуская все слова мужчины мимо ушей. – Вот у вас есть друг?

– Да, множество. С каждым я списываюсь под конец вечера, узнаю, как у них дела, обсуждаю что-нибудь.

– А здесь? В настоящем?

Тут бармен остановился. Он никогда и не задумывался об этом. Но дама продолжила. Она наконец подняла свой взгляд. Его поведение казалось чем-то знакомым, как бы пройденным ей самой только намного раньше. Ощущение одиночества, по сути дела.

– С вами никто не пытался заговорить?

– Моя работа требует сосредоточения, подбора других людей. Некогда в общем. – Тут он сам отвернулся, продолжая протирать посуду. Но все же он слегка поник.

– Неужели? А может вы бы хотели сходить в кино или театр?

– На самом деле я бы и не против. Но вот не с кем.

– У меня все также, вы знаете, может, сходим вместе?

Он снова ухмыльнулся, достал убранный бутылку и смело разлил по двум стаканам. Взяв один, он спросил:

– А какие фильмы вы любите?

На этом и обрывалась запись.

Приятно видеть зарождающуюся дружбу, где ты наблюдаешь за столь осторожными, но такими смелыми и глупыми фразами. Нотка отчаянья слышится в мелодии беседы. Но уже поздно рассуждать, сообщение от Морена, где тот просит уже выйти из Сети.

Он уже смотрит на Харона. Такой ослабший, больной на вид, он слегка поднимает руку, сжимая в кулак.

– Знаешь, а это больше, чем ожидалось.

– Конечно, твои нервы не работали больше года.

– Но их поддерживали искусственно. – Небольшие судороги проходили по конечностям Морена. Его вены периодически становились видны, а руки тряслись с малой частотой.

Харон не мог сидеть просто так. Сразу же с появлением первых сигналов бедствия он сорвался с места и начал дозваниваться до врачей.

– Бесполезно, я отключил сеть.

– Зачем? Ты сейчас умрешь в конвульсиях! – Харон разыгрался не на шутку. Такие трюки его друг уж точно никогда не выкидывал, подставляя свою жизнь под гильотину.

– Нет, я уже почти ничего не чувствую. Обезболивающее довольно быстро действует. Зато, знаешь, как приятно в принципе чувствовать? Как приятно быть человеком?

– А в Сети оно не так?

– Хм... Точно, я же не говорил. Думал ты сам догадаешься за годы практики искателя. Чувства не успевают за мыслями, если выражаться просто.

– Но, как? Я могу вспылить, даже если говорю с кем-то в Сети.

– Не знаю, но со мной это работает именно так. Неприятно смотреть сериал и вообще не сочувствовать персонажам. Осознаешь себя последней мразью.

– Ну с просмотрами ясно, а зачем тебе такое общение?

– Хочу рассказать тебе пару вещей. Ты же любишь скрытые смыслы.

Харон с удивлением посмотрел на него. Одним кивком он дал понять, что Морен уже заинтриговал.

– Тогда слушай.

«Я видел многое, со времен моего первого погружения ничего не изменилось. Ты знаешь, что я пришел на работу искателя ради денег. Я даже не стану проклинать тот день, когда попросил тебя о помощи с этим. Может быть не стану. С одной стороны, ты показал мне другой мир, которого я боялся. Ты определенно имел популярность среди друзей своим занятием, да и к тому же почти не пребывал в Сети в свободное время. Ты не ударился в поиски смысла. На секунду мне показалось, что, отказавшись от смысла, ты начал копать не там. Как я говорил, смысл жизни лежит на определенной глубине. Я боялся, что такой целеустремленный Харон сдался. Но в тайне надеялся на свой успех. Я надеялся на то, что найду сокровенное сам. Помимо работы еще пару часов сверхурочных поисков себя. И вот это причина всего. То, что со мной стало. Это я виноват. Твои амбиции, как чума, поразили меня. Я стал жить одним вопросом. После обнаружения мозговой нестабильности я отчаялся. Искал утешения во всем, что имеет смысл. Потом эта клиника. Мне предсказали восемь месяцев жизни. Лишившись своей, мне пришлось следить за другими. Тысячи перехваченных трансляций камер, сотни диалогов. Я ждал по часу, пока реальный человек ответит. С теми, у кого был продвинутый модулятор, попроще. И вот в один прекрасный миг я зачитился с не менее прекрасным незнакомцем. Весьма образованным. Помню мы болтали о новых технологиях, и о заговорил о поистине интересной вещи.

– Морен, ты просиживаешь остатки жизни, борясь с собственным телом. – незнакомец на удивление быстро печатал. Возможно не был богачем, имел модулятор пошустрее в свое пользования на радость плавящимся мозгам.

– Да, самому прискорбно это признавать. Но есть ли альтернативы?

– Никто не знает. Но ты не подумал, можно ли остаться в Сети?

– И зачем мне это? Любая иллюзия со временем становится отвратной.

– А как же симуляции типа парка?

– Ага, листья расходятся на 65 градусов минимум, трава строго определенного оттенка. За колоссальное количество времени узнаешь любой алгоритм.

– Тебе просто скучно.

– А что может развлечь человека, который видел все?

– А ты найди. Не думаю, что это так сложно. Полагаю, свою болезнь ты получил за дни и ночи в Сети. Значит умеешь ориентироваться.

– И что искать?

– Симуляцию реальности.

И знаешь, я захотел это сделать. Мы, искатели, ограничены лишь возможностями железа и терпения. Последнего хватало с лихвой, а вот первого не хватало вовсе.»

– Мир, симулированный ради спасения отдельных личностей. Интересная задумка. Только сегодня столкнулся с чем-то подобным.

– Столкнулся? Ты был в этой симуляции? – Морен схватился за поручень. Он даже привстал для того, чтобы услышать наверняка.

– Можно и, так сказать. И чувство это было странным. – Харон пожал плечами. – Я разное конечно видел, но это было таким навевающим.

Морен ожидал большего. От досады он даже упал обратно в койку. И тут настало время для наводящих вопросов.

– Стоп. А откуда у тебя такие мощности?

– Подключился к сети сферы.

– Что? Тебя же уже должны искать полицейские.

– Нет. Транспортную подсеть сами взламывали.

– Это глупо. Какой же безумец до этого додумался?

– Не знаю. Но он очень любит пофилософствовать.

– Что? – Морену показалось, что его разыгрывают.

– Да, да. Встретил меня долгими рассуждениями. – Тут Харон покачал головой. – Знаешь отчасти я даже согласен, что он безумец.

– Но что-то же он тебе сказал?

– Сказал найти его.

– Поиски, поиски, поиски. Они же нас никогда не покинут? – Морен усмехнулся. – Это прям заклиние какое-то. Как всякие детективы. Есть идеи как его найти?

– А ты бы хотел?

– Я бы хотел променять наконец вот такую жизнь на иллюзию. Но качественную.

– Найти его, как и ту симуляцию крайне непросто. Такими ресурсами мы оба не располагаем.

– Говори за себя. – На лице Морена снова пронеслась улыбка.

– Ты что-то задумал?

– Ты серьезно? – Он уже почти загинался на кровати от смеха. – Ох, еще раз скажу, как это прекрасно. Ты думаешь эта авантюра с пребыванием в реальном времени – это моя прихоть?

– А что же?

– Особо тяжелых пациентов тут присоединяют к более продвинутой системе жизнеобеспечения. У нее мощность намного больше обычной. Но она превращает человека в труп. Даже не в овощ.

– И зачем это тебе? Ты вроде как за вечную жизнь ратуешь.

– Вообще нет. Я всего лишь воюю с несправедливой смертью.

– Ты у нее забрал больше сотни лет жизни.

– Это мало. Платой за это стало мое мумифицирование.

– А теперь? И дальше будешь пребывать в Сети?

– Сейчас это последний выход.

Харон на секунду задумался

– Ты так и не сказал зачем этот подвиг с покорением реальности.

– Сейчас мои мозги медленно опускаются до отметки критического состояния. – тут Морен схватился за голову. Возможно началась мигрень. – Я зациклил камеры, так что никто ничего и не узнал.

– Умно. И что потом? Будешь искать того типа? Или сразу ту утопию?

– И то, и другое. Только мне не понятно зачем это тебе. – Морен поднял брови в знак удивления, как бы намекая на прошлый опыт Харона в исследовании симулированных миров.

– Мне оно и не нужно. Да, штука интересная, но оно того стоит? Мне хватает иллюзий этого мира.

– А как же твой великий смысл жизни?

– Он определенно не в этом. – Харон отмахнулся.

– И правильно. Ты ищешь другое в жизни. На твоём месте я бы вообще завязал с профессией. Пока еще можешь.

– Предлагаешь простые радости жизни?

– Да, сходи уже с Кэбби куда-нибудь кроме этого чертового парка.

– Да мы с ней... – Харон замолчал. – ... не думали о таком.

– О чем? Что ты несешь вообще?

– Она мой друг. Не более.

– Ты так решил? Или она?

– Наши интересы.

На самом деле Харон не выглядел подавленным или грустным от этого разговора. На нем вообще не было эмоций.

– Жутко ты выглядишь, парень. Сходи, развейся. Хомисолит хотя бы возьми на курс. Познакомишься с кем-нибудь.

– Может, ты и прав. А ты что?

– А я? – Морен сказал это с полным удивлением. – Я останусь тут на пару дней. А потом останусь там.

– Тогда удачи тебе.

– Нет, она мне больше не понадобится, а вот тебе да.

Глава 3. Ближе, чем родные люди

Мир стал мягче, но не плане морали. В его полупрозрачной среде мы чувствуем другие эмоции, желания или просто чужое настроение. Показушность прошла кривой над бедным современным обществом, вся чернь и зловолие людей, их агрессия и бесчестие осталось внутри Сети. Это как монета, покрытая ржавчиной времени лишь, с одной стороны. Казалось, перевернув ее, можно найти что-то светлое в этом мире, наполненное состраданием и радостью, потерянной навек. А монета то с двух сторон грязная, не надо даже переворачивать ее – просто возьми тряпку и протри.

Чередой событий, как мы знаем, ведет к закономерному исходу, если ясны все их части. А события в свою очередь есть скопище поступков людей, если мы говорим о событиях внутри общества. Самое известное событие этого мира – сетевое поглощение. Это результат популяризации интернета, такого превосходного места тысячи возможностей. Всевозможный контент разного характера забавлял, обучал или отвлекал от мирской жизни. Хорошие программисты и цифровые дизайнеры стали цениться на вес золота, но после даже и лучших стало слишком много. Так мир и погряз в одном месте, забывая про реальность. Жизненно, правда? Тут все серьезно, взрослые люди дни напролет сидят в шлемах-модуляторах, попутно выполняя бытовую рутину, прогуливаясь по дороге или просто работая. Но как всегда, находятся белые вороны общества – «угнетенные» люди, оставшиеся без реальных собеседников и просто без настоящих друзей. Мир снова не стоит на месте, снова находятся энтузиасты, полные оригинальных идей. Так был открыт социальный бар Хомисолит – бар одиноких людей, ищущих друзей по интересам без использования всяких девайсов, точнее, не в своих руках. Здесь все решал бармен, передвигая стулья от одного стола к другому (даже с сидящими посетителями) по совместимости увлечений. Идея неплоха, да и имела успех эдак лет двадцать назад. А сейчас, когда на пике славы лишь Сеть, технологии модуляции сигналов, когда каждый может экономить время, проживая десятки лет в сети, кому нужно живое общение, кому хочется терять настолько драгоценные минуты жизни? Их ведь можно выгодно разменять на сотни часов виртуального пребывания. Вот и стал это бар потихоньку умирать, обслуживая все реже, все больше напоминая бесцветный алкогольный клуб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.